

Сейчас всё иначе.

Как хорошо, что они были одни – это было единственное, о чём он мог подумать, но даже сейчас, наедине, он был немного смущён тем, что просто чёрт возьми оседлал своего вредного босса. У Хидана, конечно, не было никаких предубеждений, но он не любил так делать. Он не был таким, как Итачи, он был мужчиной, он всегда вёл себя как мужчина. Но сейчас... ну... он ничего не мог с собой поделать.

Всё началось не так, всё началось менее нелепо. Вроде как тот поцелуй на кухне в здании 4Н. Но всё же не так. Он вполоборота сидел рядом с Какузу на этом дорогом чёрном кожаном диване, и просто смотрел на него. Доктор сидел, нога на ногу, положив правую руку на подлокотник и прижавшись костяшками пальцев к щеке. Выглядев так небрежно в этой повседневной одежде, с мокрыми волосами, свисающими мягкими волнами на мокрую от них рубашку, застегнутую на чёрные пуговицы.

И Какузу смотрел на него в ответ. Чёрт, он бы всё отдал, чтобы узнать, что, чёрт возьми, творится в голове этого упрямого говнюка. Ему нравилось, что он не мог прочесть его, что никто не мог, даже Итачи. Он любил это и ненавидел одновременно. Доктор сидел, уставившись на альбиноса, совершенно беззаботный в своём собственном доме, несмотря на то, что Хидан заставил его выплюнуть свой кофе, а потом смеяться. Он вёл себя так странно, так чертовски странно. Не только сейчас, ранее в парке тоже.

Он был силой, он был контролем, но он всё ещё человек, как и все остальные, как и Хидан. И эта простая мысль наконец-то дала ему мужество перестать быть трусом, сорваться с места вперёд и забраться на мужчину сверху.

Сейчас всё определённо иначе.

Целоваться с Какузу всегда было по-другому. По всем очевидным причинам, в особенности плотским. Ведь они никогда не делали этого, полностью контролируя себя и свои эмоции, и, хоть это каждый раз было недолго, это было прекрасно. Сейчас было иначе, будто более значительно, чем всё, что происходило до этого.

Сначала он просто повернулся, придвинулся ближе и осторожно приблизился своими губами к Какузу. Может, это и не было свиданием, но всё самое лучшее и интересное происходит совсем не на свиданиях.

Он ожидал, что тот оттолкнёт его или отпрянет назад, но он не пошевелился, даже не напрягся. Не сдвинулся с места, они просто замерли на какое-то время, прижимаясь губами друг другу, а когда Хидан отстранился, Какузу решительно поднял руки и наклонился к нему, обхватив одной рукой поясницу Хидана, а другой - его шею.

И, используя эту неведомую силу, одним плавным движением он перетащил Хидана ближе к себе, одновременно затягивая того в дикий поцелуй.

Дело в том, что два человека могли оставаться в таком состоянии сексуального напряжения между собой только до тех пор, пока желание не становилось слишком сильным, чтобы справиться с ним.

Увидев Хидана, стоящего под дождём, он подумал, что именно это и произошло. У него не было ни малейшего намерения делать то, что они делали сейчас, когда он остановился и просто пошёл с ним поговорить. А может и было. Он не был в этом уверен, но на этот раз неуверенность была в порядке вещей. С Хиданом всегда так, ты никогда не знаешь, что он сделает или скажет в следующую секунду.

То он дразнится, то краснеет, а в следующий миг уже снова тихий, как мышь, сидит и думает над чем-то. Для любого другого это было бы невыносимо. Но с Хиданом... это было просто естественно... интересно. Всё, что он делал, всё, что он говорил, было похоже на какую-то головоломку, которую нужно было разгадать, даже когда он говорил совершенно разумно. Постоянно что-то новое и непонятное.

Какузу никогда не чувствовал на себе какого-то влияния от дождей, обычно ему было всё равно, но почему-то его подсознание решило, что ему тоже нравится дождь, как только он узнал, что он нравится Хидану... Какузу никогда не обращал внимания на взгляды, которыми люди провожали его, зато часто удивлялся, когда ловил себя на том, что пялится на альбиноса. Хидан, по правде говоря, даже не был невероятно привлекательным, когда он думал о нём в спокойной обстановке, сидя дома и пытаясь разобраться со своими мыслями. Он был хорош собой, но, по мнению Какузу, немного худощав. Но сколько бы он себя не убеждал в чём-то, всё это испарялось, как только тот оказывался рядом.

Он хотел было одолжить ему что-то из своей одежды, но предчувствие остановило его, когда он подумал о последствиях этого. Это было бы слишком, подумал он. Просто присутствие Хидана здесь, ещё и мокрого, с этими мокрыми слипшимися серебряными волосами, было уже достаточно слишком. Никто никогда не приходил в дом Какузу, даже Кисаме был здесь всего пару раз, и то, чтобы просто помочь ему с перестановкой мебели, с которой он сам справиться не мог.

Это была его территория, и любой, кто оказывался на ней, становился “добычей”. Редко кто заходил к нему домой, ещё реже сюда заходил кто-то, кто мог бы стать именно такой добычей. Можно сказать, Хидан был вообще первым. Если бы Хидан ещё и его одежду надел ... да, это было бы слишком.

Хидан вдруг перебрался на него сверху, попытался отстраниться от поцелуя, но Какузу не позволил ему. Он не смог бы, даже если бы захотел, охота закончилась, он поймал добычу, и всё, что осталось, это пожрать её.

Было трудно дышать. Его сердце колотилось так сильно, что он даже испугался, как бы у него не случилась какая-нибудь паническая атака. В голове у него всё плыло, как будто он был пьян и укурен одновременно, причём в абсолютно идеальных пропорциях, когда ты знаешь, что происходит, но контролировать себя уже не можешь.

Он попытался вырваться, чтобы сделать вдох, но у его босса, очевидно, были другие планы. Он только подтолкнул его ближе, и от этого движения он резко выдохнул весь свой запас воздуха. Руки Хидана уже давно переместились к основанию шеи Какузу, пальцы скользили по длинным волосам. Боже, не может быть, чтобы ему было столько лет, сколько все говорят. Люди в его возрасте не могут быть такими.

Чёрт, мне правда нужно дышать - подумал он, и потянул доктора за волосы, чтобы силой разорвать поцелуй, делая наконец несколько быстрых вдохов, набрасываясь на его шею и ключицы. Какузу в ответ издал что-то среднее между рычанием и стоном, и, усмехнувшись, Хидан сильно укусил чувствительную кожу прямо под ухом. Он вспомнил, что этому говнюку нравилось, когда он сопротивлялся.

Может быть, именно поэтому он ему и нравился... Итачи и Кисаме однажды говорили по телефону о нём и его боссе, он подслушал, что они обсуждали ситуации вокруг Какузу и его подчинённых-девушек, что они всегда увольнялись, не желая иметь с ним дел и терпеть последствия. Сам Хидан почти ушёл, но не потому, что боялся Какузу, а потому, что ему было стыдно за свои действия. А доктор остановил его...

Так вот в чем всё дело? Хидан действительно сопротивлялся. Хидан был вызовом. Это его привлекло?

Похоже на правду. Человек, у которого есть всё: власть, деньги, влияние и контроль. Он был доволен своей жизнью, возможно, даже заскучал и потерял бдительность, и вдруг появляется сумасшедший альбинос, и начинает устраивать бардак и наводить смуту. Конечно, ему будет интересно. И теперь Хидан ясно видел, что это было хорошо. Они нравились друг другу, потому что были совершенно разными. На самом деле они были настолько разными, что в итоге сошлись в одной точке этой петли.

От этой мысли ему вдруг стало жарко, он провёл языком вверх по шее Какузу к мочке уха, и укусил её. Отстранившись, он скользил взглядом по плечам и вниз по широкой груди, чтобы сосредоточиться на пуговице. Он пытался расстегнуть её, но столкнулся с проблемой - пальцы не хотели его слушаться, то ли от наплыва эмоций, то от того, что болели из-за гитары.

Хидан бессовестно кусался, и Какузу стиснул зубы, чтобы сдержаться и не издать ни звука, но

слегка дёрнулся, сжимая Хидана в объятьях так сильно, как только мог. Он позволил своей руке проскользнуть под его джинсы и боксеры, чтобы грубо впиться пальцами в его ягодицу, а другой рукой гладил того по спине и боку.

В миллионный раз с тех пор, как этот неотразимый идиот появился в его жизни, Какузу действительно не знал, что делает. Он правда пытался контролировать ситуацию, но если Хидан продолжит делать то, что он делает – направление быстро изменится. До сих пор ему удавалось сохранять самообладание, но это было до смешного утомительно. Он скорее бросал вызов самому себе, сможет ли он, как долго он сможет держаться. В принципе, для этого даже не было никаких причин, он сам позвал его, сам пустил в свой дом, чего никогда не было до сих пор. И отсюда вытекала уверенность в том, что не будет никаких помех и нет причин держать себя в узде. Суббота, час дня, за окном лило так, будто вся вода решила обрушиться на них за один раз. И он знал, раз уж это началось – оно не закончится до тех пор, пока не будет больше сил.

Он был мягким, отметил Какузу, рассеянно наблюдая, как Хидан с лёгкой ухмылкой сражается с пуговицами на его рубашке. Он помнил, что женщины всегда были мягкими и тёплыми, но и Хидан тоже оказался таким. За исключением кончиков пальцев, они были немного шершавыми, но это из-за гитары. Он вспомнил, как Кисаме говорил что-то о том, что кончики его пальцев, когда он только начинал играть, даже кровили иногда. Он лениво подумал, не поэтому ли у Хидана возникли проблемы с пуговицами.

«Чёрт возьми, я сейчас их просто оторву...», - прорычал альбинос себе под нос, нахмуриваясь и злясь.

Я тебя прибью, если ты это сделаешь. - попытался сказать Какузу. Однако слова так и не вырвались наружу, поскольку его тело решило, что с него хватит этой бессмыслицы о сдержанности. Он ничего не мог поделать, расстроенный Хидан был так раздражающе очарователен.

С минимальными усилиями он повернулся, сбросил Хидана с колен, и тот упал на спину, растянулся на диване и, кажется, начал ругаться, но, в то же время, как же возбуждённо он на него смотрел. Потребовалось всего две секунды, чтобы Какузу наклонился над ним, схватился за футболку Хидана и, когда тот поднял руки, стянул её. Он понятия не имел, куда бросил её, он был слишком занят, жадно целуя этот полный ругательства рот.

Бледные пальцы снова потянулись к пуговицам на его рубашке, и на какую-то долю секунды это вызвало у него раздражение. Раз уж он вернулся к этому занятию, он, очевидно, слишком ясно соображал, это нужно было исправить. Он раздвинул ноги Хидана коленом, устроился между ними, прижимаясь бедром к его паху, и рукой приподнял альбиноса за талию, заставляя прогнуться, затягивая глубже в поцелуй.

Хидан издал небольшой вздох, который плавно перешёл в стон, и сумел улучшить момент, чтобы вцепиться в нижнюю губу Какузу и прикусить её.

Какузу лишь слегка отшатнулся, но этого оказалось достаточно, чтобы они снова расцепили губы и уставились друг на друга. Хидан смотрел на него, тяжело дыша, волосы Какузу спадали ему на лицо.

Ему удалось расстегнуть ещё две пуговицы. Именно в этот момент Хидан решил, что на большее у него просто не хватит терпения, он просто немного стянул её с плеч, возвращая руки на гладкую кофейную кожу на груди.

Он что-то пробормотал, может быть, «боже» или «срань господня» - он не был точно уверен, но что бы он не сказал, это должно быть, было приятно Какузу, и тот наклонился, кусая шею Хидана, двигаясь вниз к ключицам, впиваясь пальцами в его спину.

Он услышал собственный стон, но не смог сосредоточиться настолько, чтобы смутиться. Наконец-то это случилось, да, спасибо тебе боже. Он прижался к бедру Какузу, тёрся о него, закрыв глаза, наслаждаясь ощущениями. Его запах, его теплое дыхание, вызывающее покалывание кожи, ощущение его рук, блуждающих вверх по груди, по плечам, вниз по бокам, вокруг спины.

Блядь. Это рай.

Его руки снова двинулись вниз, чтобы продолжить снимать надоедливую рубашку, всё ещё разделяющую их, кончики пальцев покалывали, когда он расстёгивал оставшиеся пуговицы. Каким-то образом ему удалось, наконец, расстегнуть их все.

Какузу отодвинулся на мгновение, чтобы стряхнуть предмет одежды, Хидан приподнялся, слишком нетерпеливый, чтобы ждать даже полсекунды, чтобы снова оказаться рядом с ним. Его руки снова обвили вокруг тела, и он впился ногтями в загорелую кожу, проводя ими вниз по всей длине обнаженной спины. Доктор зарычал, толкая его коленом вперёд с такой силой, что Хидан практически сел, чувствуя электрические импульсы боли и удовольствия, пронзившие всё его тело от паха до кончиков пальцев.

Альбинос резко вдохнул, жадно оскалился и глаза сосредоточились на тёмном соске прямо перед ним. Без колебаний он наклонился вперёд и провел по нему языком. Какузу напрягся, но его это не остановило, и он укусил его, а рука скользнула вниз, чтобы обхватить твердую выпуклость в штанах доктора и со всей силы сжать.

Всё остальное в мире исчезло. К чёрту его бизнес, к чёрту его репутацию, к чёрту всё. Особенно Хидана. Выеби его, выеби жёстко.

Как только он коснулся его члена, даже через джинсы и нижнее бельё, разделяющие их, от контроля не осталось ни следа. Хватит валять дурака. Он услышал, как громкий рык вырвался из него, он увидел, как глаза Хидана расширились от плеватель-каких-эмоций. Тело Какузу двигалось само по себе, грубо толкая Хидана вниз, чтобы он лёг на спину. Но вдруг Какузу отодвинулся от него, потом встал. Схватил альбиноса за руки, не обращая внимания на возмущённый крик, перекинул его через плечо и утащил в спальню.

В конце концов, кожаный диван очень тяжело чистить.

Хидан рухнул на кровать, пытаясь понять, что же, чёрт возьми, произошло. Через секунду Какузу снова был над ним, запрещая рационально мыслить требовательным языком и сильными руками.

Чёрт возьми...

Его подтянули к краю кровати, достаточно высокому, чтобы Какузу смог слезть с неё и встать между ног Хидана, прижимая его задницей к своему паху. Тот жадно впился Хидану в шею и кто-то застонал, как девчонка... о... это же был он.

Какузу рванулся, их штаны были единственным, что разделяло их сейчас. Цепкие пальцы схватили джинсы Хидана, и потянули его за них на себя. Хидан обхватил руками шею над собой и приподнялся, не разрывая поцелуй, сражаясь своим языком с языком своего босса.

Он пытался сопротивляться, честно. Но это трудно, когда тобой управляют с такой силой. Всё, что он делал, только усиливало жажду Какузу.

«Ох твою МАТЬ!»,- закричал он, когда внезапно зубы сомкнулись на одном из его сосков, а другой сильно ущипнули. Он сильно толкнулся бёдрами, и, обнаруживая, насколько это потрясающе, толкнулся ещё раз. Какузу снова зарычал-застонал и толкнулся в ответ, его волосы щекотно скользнули по обнаженной груди Хидана, когда тот занялся его шеей с другой стороны.

Он вцепился ногтями в широкую грудь, наконец получая настоящий стон от человека над ним. Он немного отстранился и почувствовал, что его штаны расстегнули. Волнение охватило его, и он приподнялся с кровати настолько, чтобы можно было легко их снять. Ему каким-то образом удалось заметить, что кроссовок на нём уже тоже нет, и он не мог вспомнить, когда он вообще их снял и куда дел, но быстро отбросил эти размышления в сторону, потянувшись руками к ширинке Какузу.

Хидан издал самый замечательный звук, который Какузу слышал за всю свою жизнь, когда он обхватил рукой напряжённый член альбиноса и начал поглаживать. Высокий стон, который резко оборвался, будто тот подавился вдохом. Хидан, казалось, временно потерял контроль над своим телом, стремясь упасть назад на кровать. Какузу поймал его и удержал в вертикальном положении, сжимая его правое плечо пальцами, и кусая левое, всё ещё водя рукой по пульсирующему члену.

«Боже ... Боже мой ... блядский ад...», - бормотал Хидан, откинув голову назад, его руки цеплялись за край брюк Какузу, словно за спасательный круг. Доктор улыбнулся про себя. Это верно, сейчас я твой бог.

Он отпустил плечо Хидана, чтобы удержаться на ногах, и наклонился в сторону, открывая ящик тумбочки, чтобы найти что-нибудь достаточно мокрое и скользкое, что он мог использовать в качестве смазки. Ничего не попадалось под руку, но всё же его молитвы были услышаны. Его взгляд упал на бутылочку с лосьоном, стоящую прямо на тумбочке.

Синяки и укусы на теле Хидана начинали болеть. Его сосок, казалось, кровоточил, но быстрый взгляд доказал обратное. Он был разочарован, немного крови сделало бы это идеальным, что может быть лучше крови в качестве смазки?

Подобного никогда не случалось, он бывал с разными дикими девками, но всегда он был тем, кто грубо обращался с ними, пока они ныли и получали свои грёбанные оргазмы. Никто никогда не издевался так над ним, он едва соображал, чтобы вообще понимать, где он. Он был так чертовски возбуждён, что, казалось, мог бы умереть. И чёрт с ним, это было бы просто замечательно. Он всё равно попадёт в ад.

Какузу бросил бутылку перед собой на кровать. Хидан свирепо смотрел на него, - «Сними свои чертовы штаны», - заявил он, и, не дожидаясь, пока мужчина сделает это сам, принялся растёгивать их и начал тянуть вниз.

Но вдруг его руки схватили за запястья и оторвали от джинс, а его самого отбросили на кровать. Какузу схватил его за ноги и притянул к себе, Хидан только успел сделать удивлённый вдох и Какузу навис над ним, - «С чего это ты решил, что я с тобой уже закончил?», - он низко зарычал, и сильно толкнулся своим, всё ещё скрытым под джинсами, возбуждением прямо в промежность Хидану.

Альбинос стиснул зубы и зашипел, когда грубая ткань прошла по чувствительной коже, как наждачная бумага, - «Ты ёбанный дьявол!», - он попытался закричать, но дёрнулся, когда получилось больше похоже на визг.

Это было так больно. Боже. Во что, чёрт возьми, он ввязался? Какузу просто издевается. Он не переживёт это.

Короткий перерыв, пока он шарил рукой в тумбочке, привёл его в чувство, что было одновременно и хорошо, и плохо. Он не хотел быть последовательным, он хотел уничтожить Хидана... в хорошем смысле. Или в основном в хорошем. То, как альбинос реагировал на боль, звуки, которые он издавал, его тяжёлое дыхание, выражение лица, он не мог насытиться, это доводило его до крайности. Но они только начали. И он знал, что его Хидан наслаждается этим, как бы он ни протестовал. Маленький мазохист...

«Ты ёбанный дьявол!», - заныл Хидан, выгнув тело и вцепившись в простыни. Какузу только улыбнулся, - «Ты даже не представляешь...», - ответил он, хватая Хидана за бёдра и отталкивая его от края кровати и от себя. Он схватил бутылку, и вылил содержимое на руки, даже не проверяя, что это было. Затем он подполз к Хидану, как хищный зверь, уставился на него со смешанными эмоциями, и раздвинул ему ноги.

«Знаешь ... может, сейчас не подходящий момент, но - ОХ, БЛЯДЬ!»

Одной рукой Какузу сжимал его член, а другая быстро оказалась внизу, без предупреждения вводя в него один палец.

«Я знаю», - ответил он насмешливо. Он не знал наверняка, но было легко предположить, что Хидан всегда играл роль мужчины в любых других отношениях, которые у него были, неважно какого пола был его партнёр. Но Какузу опыт имел, потому и смог это определить.

Он погладил дёргающийся член Хидана одной рукой, потому что альбинос вдруг сильно напрягся. Какузу никогда не был тем, кого можно было бы счесть хорошим учителем. У него не хватало терпения на тех, кто отставал от него или заставлял его повторяться. Но в этот момент он был особенно ужасным учителем, он едва не терял самообладание, когда узкая задница Хидана сжалась вокруг его пальца. Он протолкнул палец дальше, его глаза были полностью сосредоточены на альбиносе, наблюдая его восхитительное выражение лица.

Хидан извивался, издавая звуки где-то между рычанием и хныканьем, пах Какузу горел. Он вытащил палец, услышал вздох облегчения от Хидана, и сразу вернул в него два пальца вместо одного. Хидан вскрикнул и вздрогнул, непреднамеренно насаживаясь на них. Стиснув зубы и дыша медленно и глубоко, чтобы удержать себя в руках, Какузу отпустил член альбиноса и шире развёл его ноги, делая всё возможное, чтобы найти пальцами ту маленькую точку, которая заставит парня под ним умолять о большем.

Так вот что это!? Кто, чёрт возьми, вообще может этим наслаждаться!?

Слишком странное ощущение. Лучше бы было больно.

Он стиснул зубы, стараясь контролировать выражение своего лица, на которое пристально смотрел Какузу с этой чёртовой самодовольной улыбкой. Ладно ... это было немного хорошо. Чёрт возьми, он не был уверен, чего он вообще ожидал, но это было точно не то.

Внезапно все мысли, все разочарования вылетели из головы, когда Какузу особенно сильно дёрнул пальцами. Вдруг свет погас, он упал во тьму. Звёзды взорвались перед глазами, которые он неосознанно закрыл. В ушах звенело, казалось, от того, что могло быть его собственным голосом, стонущим, практически вопящим.

О боже, боже, боже.

Вот это было хорошо. Блядь, это определённо было приятно. Гораздо ближе к тому, что ожидалось. Чёрт, может быть, даже лучше.

Его внутренность растягивалась, когда Какузу двигал эти проклятые пальцы внутри него. Он пытался не думать об этом, но потерпел неудачу, чувствуя себя ещё более возбуждённым, когда он об этом подумал. Доктор водил пальцами, снова и снова задевая этот комок нервов, от которого его каждый раз бросало в дрожь и будто било электричеством. Боль пронзила его, кажется...

О чёрт, он собирался ...

«Ах, блядь ... нет, БЛЯДЬ!», - он кричал, ощущения наполняли его, жар и боль, удовольствие и жар. Как чёртова пружина, сжимающаяся всё сильнее и сильнее, его распирало от физической боли и эмоционального кайфа. Стой, пожалуйста, остановись, но БОЖЕ, ПОЖАЛУЙСТА, НЕ ОСТАНАВЛИВАЙСЯ!

Он крепко схватился руками за простыни, напрягая ноги, задница пульсировала в такт сердцебиению. Держись, держись, не отпускай... Он точно умрёт, это слишком, слишком много, но, чёрт возьми, он хотел больше.

Его дыхание срывалось на резкие хриплые вдохи и выдохи. Уже три пальца Какузу быстро двигались внутрь и наружу. Он снова закричал, он не мог остановиться, чёрт, вот оно. Нет, нет, это ещё не конец. Его тело сжалось, спина выгнулась дугой, отрываясь от кровати. Вот оно, да, да и нет. Чёрт. Пока нет, но...

И вдруг он снова стал пустым, лежал, тяжело дыша, и экстаз внезапно исчез, вырвался из него. Он резко открыл глаза, на мгновение уставившись в потолок, вскинул голову и недоверчиво посмотрел на Какузу. Ты сволочь!

Он хотел помучить его, заставить умолять, но это было уже слишком. Потом будет больше времени. Теперь он попробовал его на вкус, и Хидан никуда не денется. Он просто не мог больше этого выносить. Зверь вернулся, ненасытный и полный решимости не позволить себя сдержать.

Какузу соскользнул с кровати и сбросил джинсы. Он схватил Хидана за лодыжки, ещё раз хитро усмехнувшись, альбинос смотрел на него так, словно готов убить кого-нибудь за то, что тот остановился. Он не мог позволить чёртовому мазохисту кончить прямо сейчас. В конце концов, он ещё далеко не закончил. Это не был очередной эксперимент, и у него были свои собственные плотские желания, готовые уничтожить его изнутри.

Он снова взял лосьон, или что это там было, который ударил ему в ноздри запахом лаванды, и пролил его прямо на Хидана, который снова откинулся на кровать, как только руки Какузу схватили его за ноги. Его собственное дыхание участилось в предвкушении, когда он гладил лежащего под ним альбиноса, дразня его.

Скажи это - подумал он про себя, облизываясь. Теперь он просунул только кончики трёх пальцев внутрь Хидана, ухмыляясь громкому шипению, царапая бледную кожу на внутренней части бедра и впиваясь в неё ногтями.

Больше он ничего не мог вынести. Но он хотел это услышать. Он протолкнул пальцы до конца, Хидан снова застонал, поднимая свою задницу с кровати, сильнее подаваясь навстречу. Какузу наклонился, не двигая рукой, всем телом навалившись на неё. Свободной рукой он схватил Хидана за подбородок, заставляя эти розовые глаза встретиться с его глазами. Что-то в его груди сжалось от отчаяния в этих глазах.

«Скажи это», - на этот раз он сказал вслух.

«Сказать чт ... сказать что?», - Хидан зарычал сквозь стиснутые зубы.

«Умоляй»

«Да пошёл ты!»

Он толкнулся всем телом, чтобы всадить пальцы ещё глубже, без сожаления проходясь ими по простате и притёрся своим членом к члену альбиноса. Хидан вскрикнул и выгнулся, выкрикивая вереницу ругательств. Доктор снова пошевелил пальцами, просто в воспитательных целях.

«Скажи это», - потребовал он снова.

«О, чёрт возьми. Пожалуйста!»

«Ещё»

«Какузу, ты, проклятый мудака, пожалуйста, просто, блядь, ТРАХНИ МЕНЯ НАКОНЕЦ!», - закричал Хидан, каким-то образом успевая извернуться и схватить доктора за запястье.

С победной ухмылкой Какузу откинулся назад и убрал руку, вытащив пальцы, используя то, что осталось на них, чтобы увлажнить свой член, и удачно расположил его у входа.

Если бы он не был в таком адском отчаянии, он мог бы убить этого грёбаного ублюдка прямо сейчас. Если бы он не боялся, что тот остановится, он бы просто поднялся, схватил его и задушил его ко всем чертям прямо в процессе.

Боже, но это было так... чертовски сексуально. Он знал, что подчиняется, но в данный момент это не имело значения. Подвести его так близко к краю и остановиться, долбаный садист! И, чёрт возьми, ему это нравилось!

Его дыхание стало резким, когда он почувствовал его давление. Член Какузу. О, чёрт, вот он, входит в него. Он не видел его, он не мог определить размер в данный момент. Внезапно его охватил страх, отчего отчаяние стало ещё сильнее. Он закрыл глаза, когда давление усилилось, время замедлилось на мгновение, влажная, скользкая кожа к коже, тело к телу. В животе у него полыхало пламя, сердце билось так, словно кто-то просунул руку ему в грудь и сжимал его. Вот оно. Вот оно, внутри него. Как будто они стали одним целым.

Задницу жгло всего пару секунд, он заставил себя громко застонать, не в силах думать ни о чём другом, кроме ощущения наполненности и того, как это чертовски больно и чертовски хорошо. Какузу медленно толкался, пока Хидан не почувствовал, что не может открыть глаза от давления. Было слишком много, он просто не мог сдержать все свои эмоции. А потом доктор перестал быть милым. Мир ярко вспыхнул, потолок осветился ослепительной белизной, и всё потемнело до черноты.

Комната исчезла, кровать исчезла, даже Какузу исчез. Он был в середине какой-то непроглядной тьмы, посылающей волну за волной удовольствия через него в головокружительных количествах. Он был в этом месте целую вечность, дни, месяцы и годы.

«Лучше, чем все наркотики во всём мире», - рассеянно подумал он, крепко вцепившись во что-то, за что, чёрт возьми, он держался. Он был в космосе, в грёбаном космическом пространстве, и если он отпустит это, то потеряется здесь навсегда. Он кричал, думал он, но не мог остановиться. Если он перестанет кричать, то умрёт. Его мышцы так сильно сжались, что стало больно, и боль только усилилась.

Звёзды, тьма, звёзды, снова тьма, когда в него толкались снова и снова, тела тёрлись друг о друга. Глубокие стоны просачивались в темноту вокруг него, рычание, звериное рычание. Он не знал, что это было, но он должен был увидеть, это было важно, он знал, он должен был открыть глаза. Но он не мог, если откроет глаза - умрёт, если отпустит - умрёт.

И смерть была ужасна, она всегда была ужасна, но теперь больше, чем когда-либо. Потому что теперь ему есть ради чего жить. Это было...

Его крик застрял в горле, когда он заставил свои глаза открыться, он сразу встретился с голодным взглядом Какузу. Снова и снова его зрение опасно меркло, но теперь, когда они были открыты, он не думал, что сможет когда-нибудь закрыть их.

Сильнее, быстрее.

Какузу слегка наклонился, и, собрав все свои силы, Хидан сумел протянуть руку и схватить его. Удовольствие остановилось на мгновение, и он попытался подтянуться, прижаться к мужчине, так сильно впиваясь ногтями в его загорелую кожу, что вскоре они стали скользкими от тёплой крови. Он не мог этого видеть, но знал, что это кровь. Пружина внутри него сжималась всё туже, и, не в силах остановиться, он заставил себя прижаться ещё ближе к Какузу, обнимая его правой рукой за шею и освобождая левую, чтобы облизать пальцы.

Железо, на вкус как железо. Кровь, да. Это была кровь, кровь Какузу, она была восхитительна, даже лучше, чем накатывающие волны невыносимого удовольствия, пронизывающие его. Громкий стон вырвался из него, когда пружина болезненно сжалась. Вот оно.

Секс должен был быть только сексом. Несмотря на эти странные чувства к Хидану, несмотря на то, что он хотел, чтобы этот человек принадлежал ему, он не должен так себя чувствовать.

Это было больше, чем должно быть. Секс был грязным и грубым, это было не более чем удовлетворение желаний. Но когда он открыл глаза, когда эти проклятые розовые глаза впелись в него взглядом, что-то произошло. Он заколебался, крик Хидана прекратился, он наклонился, не в силах сдержаться.

И этот чёртов придурок схватил его и притянул к себе, упираясь головой в плечо. Он даже не чувствовал острой боли в спине, когда Хидан ногтями впился в его кожу, это было только похоже на какое-то давление, хотя он каким-то образом знал, что происходит.

«Что нужно, чтобы жить вечно?»

«Ты мой бог».

«Пожалуйста...»

Хидан пошевелился, и громко, протяжно застонал. Глаза Какузу сами собой закрылись, он толкнулся изо всех сил, какие у него только были. Крики, мольбы и ругательства раздавались внизу, и в то же самое время, подумал он, они падали.

Скала уходила из-под них, он шёл с ним, потому что Хидан не хотел быть одиноким, а Какузу не хотел, чтобы тот был один. Через край, кульминация дуэли, он почувствовал, как тепло хлынуло на его живот, Хидан отпустил мёртвую хватку на его шее и упал обратно на кровать.

Секунду он смотрел в его сонные глаза, тяжело дыша, всё ещё чувствуя, что вот-вот взорвётся, но уже совсем по-другому. Не в состоянии остановить себя, даже не пытаясь, он наклонился и прижался губами к бледным губам, пытаясь избавиться от удушающего давления в своей груди.

Руки Хидана потянулись к его лицу, кончики пальцев были скользкими и красными. Он позволил бледным рукам пробежаться по его подбородку, обхватить затылок, притянуть его ближе. Это было приятно, будь всё проклято. Но лёгкие его горели, тело дрожало, и он с огромным усилием отстранился. Он остался так на мгновение, наблюдая, как Хидан тяжело дышит под ним, его веки дрожат, медленно закрываясь только для того, чтобы снова открыться через несколько секунд.

Это было неправильно. Он должен быть удовлетворён, привязанность должна исчезнуть. Но на самом деле это было не так, она стала даже сильнее... Это неправильно.

Он вышел из альбиноса, повернулся и сел на край кровати рядом с ним. Опустил голову, глазами изучая ковёр, как будто ответ скрывался где-то в темно-бордовых нитях. Хидан вздохнул, Какузу моргнул и потянулся, чтобы натянуть джинсы до колен, медленно поднимаясь с кровати. Он застегнул их и снова сел.

«Мне нужна сигарета ...», - на выдохе сказал Хидан. Какузу повернулся, чтобы взглянуть на него. Тот положил руку себе на лицо, его губы слегка приоткрылись, а грудь продолжала подниматься и опускаться, больше не задыхаясь, но и не дыша нормально.

«А может и чёртово пиво ...»

Какузу встал и, не сказав ни слова, вышел из комнаты. Хидан резко поднялся на локтях, в замешательстве уставившись на дверной проём.

Он просто ушёл?

Мысли пронеслись в его голове слишком быстро, чтобы он успел их уловить, и он практически спрыгнул с кровати, обыскивая комнату в спешке, чтобы найти свои штаны, изо всех сил пытаясь надеть их прямо на ходу.

Нет, он не мог так поступить. Хидан может и глуп, но он не был слепым. Это было больше, чем секс. Конечно, это явно был секс, но это было нечто большее. Какузу не мог просто уйти. Даже просто из комнаты, он не мог так уйти. Он выбежал из спальни с расстёгнутыми джинсами, не желая тратить драгоценное время, чтобы их застегнуть. Он почти пробежал мимо ванной, затем остановился и вернулся назад, обнаруживая, что доктор вытирает свой живот. Не раздумывая, он влетел в ванную и обхватил его сзади руками, уткнувшись лицом в спину.

Какузу на секунду напрягся и остановился, но почти сразу расслабился, - «Что ты делаешь».

«Не знаю», - ответил он честно. Что он делал? Стоя здесь, обнимая его дрожащими руками. Внезапно он почувствовал, что истощен до предела, но он сделал всё возможное, чтобы держаться на ногах.

«Ну, значит перестань»

«Нет», - Хидан поднял голову, переводя взгляд на кровавые следы от его ногтей на спине доктора. Он протянул руку и провёл пальцем по одному из них, Какузу вздрогнул и обернулся, - «У тебя кровь идёт ...», - глупо сказал он.

«Благодаря тебе»

Хидан невольно ухмыльнулся, - «Технически это была твоя вина».

В ответ он услышал лишь ворчание, и Какузу продолжил вытираться. Хидан смотрел на него в зеркало, всё ещё отчаянно желая закурить, но по какой-то причине он совсем не хотел отходить от Какузу. Тот снова собрал волосы в хвост, и Хидан разочарованно уставился на него, прежде чем их глаза встретились в отражении, - «Ты так и не сказал мне, почему у тебя всегда красные глаза».

«Потому что мне постоянно приходится иметь дело с такими занозами, как ты».

«Пф. Ты любишь меня, признай это, вредина», - он хотел только подразнить его, но Какузу вдруг резко обернулся. Он схватил Хидана за плечи и резко прижал к стене, а альбинос потрясённо уставился в пару сверкающих красно-зелёных глаз.

Ты любишь меня, признай это.

Что-то вонзилось в него, как ледяная игла прямо в сердце. Не понимая, что делает, он внезапно прижал Хидана к стене.

Это чувство всё ещё было здесь, оно хотело Хидана, почти нуждалось в нём. Оно не исчезло, хотя должно было исчезнуть. Эта дурацкая маленькая одержимость должна была закончиться, он должен был вернуться к своей жизни. Жажда была удовлетворена, но почему-то никуда не делась.

Чего ты ещё хочешь от меня? Он не знал, с кем разговаривает, и не знал, кто ему ответит. Разум велел ему заставить Хидана уйти, разорвать эту чёртову связь, это уже и так зашло слишком далеко. Всё должно быть кончено, он сделал, что хотел, теперь он должен был успокоиться. Но всё было не так. Он не мог сказать ему уходить, потому что он не хотел, чтобы он ушёл.

Он был слишком стар для этого. Хидан был слишком молод.

“Следуй за своей стрелой... Она указывает на вас обоих”

Он не хотел, чтобы это было что-то большее, но это было так. Это несправедливо, это действительно несправедливо.

Хидан тяжело сглотнул, его лишённые пигмента глаза метались туда-сюда между глазами Какузу. Он смотрел на него в полной фрустрации, пока не наклонился вперёд и не поцеловал его. Он не думал, что сможет произнести это вслух, он даже не думал, что сможет произнести это в своей голове. Но ещё будет время. Пока Хидан здесь. Пока он будет рядом.

Время ещё есть.

<http://tl.rulate.ru/book/58664/1503100>